

Збигнев Войцеховский

Иван Поддубный

одолеть его могли только женщины

*Биографии великих
Неожиданный ракурс*

Збигнев Войцеховский
Иван Поддубный. Одолеть
его могли только женщины
Серия «Биографии великих. Неожиданный ракурс»

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5011298

Збигнев Войцеховский. Иван Поддубный. Одолеть его могли только женщины: Эксмо; Москва;

2013

ISBN 978-5-699-62966-4

Аннотация

Его называли чемпионом чемпионов. Неправдоподобно сильный, кристально честный, негибаемо волевой и в то же время по-юношески влюбчивый и ревнивый, таким был едва ли не самый сильный человек планеты, потомственный казак Иван Поддубный. В начале XX века, когда вся Европа фанатично поклонялась «королеве спорта» – борьбе, слава о феноменальных способностях «русского медведя» Поддубного прогремела на весь мир. Он с легкостью кидал на лопатки сильнейших борцов планеты, он развенчивал мифы о непобедимости именитых европейских и американских атлетов, с честью демонстрируя всему миру богатырскую силу русского человека.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Збигнев Войцеховский

Иван Поддубный. Одолеть его могли только женщины

Пролог

Вся история человечества – это цепь волевых бросков, прорывов. Сперва они случались редко, раз в тысячу лет. Скажем, научился человек добывать огонь, пользоваться каменными орудиями труда, сооружать себе жилище, изобрел колесо, письменность. Прорыв, радость, а потом, приобретя одно из очередных благ цивилизации, человечество вновь развивалось медленно, но только до следующего броска.

Последние десятилетия девятнадцатого столетия стали чрезвычайно интересным временем для тех, кто жил в нем, и для тех, кто наблюдает за ним через более чем столетие, – для нас с вами. Люди с восхищением следили за морскими путешествиями первых океанических лайнеров. Неуклюжие самолеты и величественные дирижабли взмывали в небо. По железным магистралям уже мчались паровозы, появились на дорогах первые автомобили. Подпирали тучи первые небоскребы. Стальные конструкции позволяли сооружать мосты головокружительной высоты и невозможной до этого протяженности. Теперь уже не надо было ждать попутного ветра, чтобы отправиться в путь, планировать путешествие по суше от одного постоянного двора до другого. Комфортабельные каюты ждали богатых пассажиров. Дома-вагоны уже вовсю стучали на стыках железных дорог. Скорость, мощь сделались объектами поклонения, самоцелью. А где есть общая для всех цель, там и возникают соревнования. Кто выше, кто дальше, кто быстрее, кто сильнее? Казалось, что человек, его тело, безнадежно отстает в развитии от собственных рукотворных созданий, что время одиночек – силачей-героев – уходит безвозвратно.

Да, на календаре еще был девятнадцатый век, но в воздухе, в пейзажах уже чувствовалось дыхание следующего – двадцатого – столетия с его сумасшедшими возможностями, достижениями, угрозами и разрушениями.

Но все это происходило в столицах, в больших городах. Совсем рядом, на обочине мировых магистралей, еще шла совершенно другая жизнь: размеренная и патриархальная. В которой, казалось бы, ничего не изменилось за последние сотни лет. Одним из таких мест на Земле была Полтавщина. Здесь по-прежнему носили украинские народные платья и сорочки-вышиванки. На головах у мужчин красовались широкополые соломенные шляпы. Вовсю звучали народные песни. И никто еще не знал, что именно здесь, в Полтавской губернии, в большом старинном селе Красеновка, 8 октября 1871 года родится самый сильный человек на планете, один из самых известных борцов своего времени. Первенец – Иван Поддубный – появился на свет в семье потомственного запорожского казака Максима Ивановича Поддубного. После Ивана у Поддубных родятся еще трое сыновей и три дочери. Но все они если и известны нашим современникам, то лишь благодаря своему старшему брату.

Конечно же, фамилия звучала не совсем так, как ее преподносили советские и преподают сегодня российские энциклопедии, а на украинский лад – Пиддубны. Так, кстати, все семейство и называли в селе. Но местный священник сделал запись в метрической книге по-русски – Поддубный – просто адаптировав фамилию к русскому языку.

Рассказывают, будто бы даже имя в планах было другое, родители хотели назвать сына иначе – не Иваном. Но по старой украинской традиции крестить новорожденного в церковь отправились не мать с отцом, а кум с кумой – крестные. Чтобы согреться в холод-

ный октябрьский день, по дороге заглянули они в корчму – придорожный трактир. Выпили немного, захмелели. Когда же вновь оказались на улице с младенцем, то не сразу заметили, что просидели в корчме, рассказывая другим посетителям о своей миссии и о своем крестнике, непростительно долго. Небо затянуло тучами, солнце скрылось. Откуда же узнаешь, который час? Пришли к церкви, а священник, отчаявшийся их уже дожидаться, закрыл храм на ключ и ушел по делам. Куда же было идти в таком случае куму с кумою? Правильно, вернулись в корчму и, как положено, снова выпили за здоровье и будущее счастье своего крестника. В церковь попали они уже ближе к вечеру, когда священник вернулся, чтобы служить вечерню. В головах у крестных после крепкой пшеничной горилки многое перепуталось. И когда батюшка спросил про имя новорожденного, то они его не вспомнили, как ни старались. Но не возвращаться же к матери и отцу из-за такой мелочи! Полистал священник святцы, стал называть имена. Все не то. И тут услышали они:

– ... Иван...

– Точно, Иван, – приободрился кум, хотя и сам не мог сказать, почему именно это имя из святцев легло ему на сердце.

– Деда же его Иваном звали, – обрадовалась кума. – Вот и будет Иваном Максимовичем. Звучно.

– Если б дед его жив был, то нельзя было бы Иваном называть, – припомнил народную примету кум. – А если покойник, то сам Бог велел. В память преставившегося...

Вот и стал в тот октябрьский вечер с легкой руки захмелевших крестных совсем еще кроха Поддубный – Иваном... Так оно было или по-другому, кто уже скажет? Может, и придумали позднее люди. Почти в каждом украинском селе вам расскажут подобную байку и станут клясться, что случилась она именно у них, с их жителем. Поддубный же – человек-легенда, и потому не удивительно, что стал он героем народных анекдотов. А это большая честь, не каждый подобного удостоится.

Детство Ивана проходило так же, как и у его ровесников-сельчан. Ребенком пас гусей, скот, помогал родителям управляться с большим хозяйством. Вот только силой не по годам выделялся. Но это и не удивительно – Поддубные издавна этим славились в Красеновке. Повзрослев, взялся и за мужскую работу. Пахал землю вместе с отцом, сеял, молотил. Вozил зерно мешками на мельницу, а оттуда – муку. Далеко ему еще было до отца. Тот играючи брал пятипудовые мешки и легко бросал их на телегу. Через много лет, уже обладая многими титулами, в том числе став шестикратным чемпионом мира по французской борьбе, в многочисленных интервью он не устанет повторять, что единственный человек, который был сильнее его, – это отец.

Возможно, был бы с годами Иван Максимович знаменит только в своем селе, не раскрыл бы до конца заложенный в нем неповторимый талант борца. Женился бы на батрачке или в лучшем случае соблазнил бы дочь учителя или священника. Так бы и остался работать на земле, как миллионы его соотечественников, лишь на незатейливых сельских праздниках участвуя в народной борьбе на кушаках. Но судьбе было угодно распорядиться по-другому, открыть Ивану путь в большой мир, сделать его знаменитым, раскрыть данный от рождения талант. И толкнула его на эту дорогу, когда ему шел двадцать второй год от роду, как часто случается, первая неудачная любовь. Скольких великих поэтов она сотворила, сколько военачальников создала! Мужчины если и добиваются чего-то в жизни, то в большинстве случаев делают это, чтобы доказать свою значимость женщинам. Однако обо всем по порядку...

Глава 1

Как выйти из сложной ситуации и обратить на себя внимание? Иван Максимович против Максима Ивановича. Первые ставки, первая любовь, Шведские могилы, сватовство.

Солнце стояло высоко. Где-то в вышине неба заливался трелями невидимый жаворонок. С вершины пригорка было видно далеко-далеко. Синели на горизонте невысокие холмы, размытые прогретым воздухом. Белели у реки хатки-мазанки, крытые соломой и тростником. Среди них виднелось и несколько жестяных крыш: Красеновка – село богатое.

Иван вел за повод молодого коня. Всего неделя как его запрягли, приучали к работе. До этого животное жило вольготной жизнью, не зная ни упряжи, ни седла. А потому конь вел себя нервно, зло косился на Ивана, если и подчинялся, то лишь потому, что чувствовал в нем решительность и дюжую силу. Копыта глубоко вбивались во влажную землю. Молодой, непривычный к работе конь, выбиваясь из сил, тянул за собой плуг, ручки которого крепко сжимал Поддубный-старший – Максим Иванович.

– Но, пошел! – покрикивал он на коня, когда тот норовил остановиться и сорвать шершавыми губами очередной куст лебеды.

– Тато, может, хватит с него? Вспотел весь. Да и оводы заели. Вон как хвостом хлещет.

– Это он от злости, – усмехнулся Максим Иванович. – Не хочет работать. А надо. Но, пошел!

Подчиняясь богатырскому голосу, конь прижал уши и пружинисто потянул за собой плуг. Из-под блестящего стального лемеха пластами вываливался жирный, хоть на хлеб намазывай, полтавский чернозем. Максим Иванович ловко довел плуг до конца надела, кивнул сыну. Мол, берись, переворачивай, обратно пойдем.

Иван легко подхватил ручки. Плуг он не тащил по земле, а легко нес перед собой, словно тот весил каких-то полпуда. Конь, обрадовавшись передышке, успел слегка пощипать травы, но вскоре вновь раздался зычный голос Поддубного-старшего:

– Но, пошел...

Теперь, на подъем, конь тянул плуг совсем медленно, выбиваясь из сил. Вновь разворот, еще один... Иван и не заметил как село солнце, близился вечер.

– Еще три прогона сделать – и все, на сегодня шабаш, – подбодрил Максим Иванович.

Иван поглядывал на возвращавшихся с работ односельчан. Катились, пылили по проселку телеги с лежащими в них плугами. Шли жнеи. Мужики несли на плечах косы с деревянными граблями.

Конь сделал еще одну борозду. И только Иван взялся за плуг, чтобы развернуть его в обратную сторону, как животное почувствовало послабление и взбрыкнуло. Разболтавшаяся за день напряженной работы упряжь свалилась. Освободившийся конь радостно заржал и отбежал к межевой полосе, густо поросшей сочной травой.

Максим Иванович неодобрительно посмотрел на сына. Мол, упряжь ему доверена – надо было следить.

– Теперь лови.

Легко сказать «лови». Молодой конь своенравен, это не привыкший к работе трудяга, повинующийся любому слову хозяина. Он еще помнит вольную жизнь, когда им никто не понукал. Иван решительно направился к коню. Но тот держался начеку, рванул в сторону, чуть не ударив хозяина копытами, и вновь принялся за траву.

– Ах, ты так? – Иван вновь попытался взять животное силой и ловкостью, но ничего из этого не получилось.

Максим Иванович с кривой улыбкой следил за сыном, не помогал. По его разумению, каждой работе человек должен научиться сам. Тем временем возвращающиеся с работы селяне останавливались, подтрунивали над неудачливым ловцом.

– Эй! – кричал сосед Поддубных по улице. – Да разве ж настоящий казак коня своего упустить может? Не тебе на нем, а ему на тебе ездить надо.

Иван разозлился, но виду старался не подавать. Он решил действовать хитростью. Сложил ладонь так, как если бы держал в ней хлеб и, причмокивая губами, двинулся к своенравному коню. Тот, казалось, поддался на уловку, потянулся к ладони, жадно втягивая воздух ноздрями. Поддубный-младший метнулся, чтобы схватить коня за шею, но тот отпрянул, рука соскользнула с потной кожи. Не удержавшись на ногах, Иван упал на распаханый чернозем, а конь, взбрыкивая и оглашая пейзаж ржанием, побежал к дому.

Односельчане тут же отозвались дружным хохотом. А собралось их уже немало. Этот край надела проходил почти у самого села.

– Настоящий казак и из седла никогда не упадет. Ну, разве что совсем пьяный будет! – прокричал, отсмеявшись, сосед.

И вновь раздался взрыв хохота. Иван покраснел, отряхнулся от налипшей земли. Смеялись незло, никто не сомневался в умении Поддубных быть хорошими хозяевами, но все равно было обидно.

– Отец, – тихо, чтоб слова не достигли чужих ушей, проговорил Иван. – Может, домой пойдем? Поздно уже.

– Начатое всегда доводить до конца надо, – твердо возразил Максим Иванович. – Завтра воскресенье. Работать в праздник – грех. Допахать надо. Иди за конем.

Ивану подумалось, каким дураком он будет выглядеть в глазах соседей, если примется бегать по деревне за своенравным жеребцом, но перечить отцу было нельзя. Максим Поддубный славился не только силой, но и упрямством. Если решил допахать поле сегодня, то сделает это хоть при свете луны.

Все еще красный от стыда, Иван осмотрелся. Мужского смеха он особо не боялся. Мужики, они отходчивые, посмеялись и забыли. Однако собралось и много баб, молодых, девчат. Особо громко и заливисто хохотала Аленка Витяк. Даже постукивали крупные красные бусы у нее на шее. Не простые красные самодельные деревянные бусы, а привезенные из города. Отец у дивчины был одним из самых богатых хозяев в деревне. Этот смех словно подстегнул Ивана. Он, ничего не говоря, сбросил сорочку, подхватил развязавшуюся конскую упряжь, стянул ее, набросил на грудь и потащил за собой плуг вместо коня. Ноги вязли в мягкой земле. Лемех уперся, а затем вздрогнул, пошел, ровно вываливая пласты жирного чернозема. Максим Иванович спокойно продолжил работу, так, словно ничего особенного и не происходило. В душе он порадовался за сына – растет такой же упрямый и сильный, как и он сам.

Смех в толпе быстро поутих, хотя находились еще острословы, попытавшиеся подтрунивать над Иваном. Но на них зашикали, теперь симпатии зрителей оказались целиком на стороне Поддубных.

– Не вытянет. Один прогон сделает и спечется, – убежденно сказал сосед.

– А я говорю, вытянет, – возразил стоявший рядом с ним крепкий еще старик – крестный Ивана – и подкрутил ус.

– А давай на спор? Если вытянет, то я тебя завтра вечером угощаю.

Мужчины ударили по рукам. Иван понимал, что иной дороги у него уже нет. Надо допахать поле вместо коня, иначе оконфузишься и крестного подведешь. Он упирался, волок глубоко врезавшийся в чернозем плуг и исподлобья смотрел на сельчан. И тут его взгляд встретился с глазами Аленки Витяк.

Темные волосы заплетены в аккуратную косу толщиной с руку, конец которой доходил девушке до середины спины. Ивану не к месту подумалось, что если волосы распустить, то опустятся они до самых широковатых бедер, а то и прикроют их. Аленка смотрела на него, задержав дыхание, явно любовалась игрой мощных от природы и постоянной тяжелой работы мышц. А посмотреть было на что. Не каждый парень мог похвалиться такой мощью. Девушка даже рот приоткрыла, отчего стала только краше. Теперь Иван смотрел исключительно на нее, медленно идущую по меже рядом с ним. И с каждым шагом работа давалась ему легче. На развороте он не стал дожидаться, пока отец развернет плуг, а сделал это сам.

– Дотянет, ей-богу, дотянет, – бормотал сосед, уже пожалев, что ввязался в спор и пообещал угощение.

Так и случилось. Сделав последний проход, Иван сбросил с себя упряжь, поднял сорочку с борозды и вытер ею вспотевший лоб.

– Ну что, сынку, теперь можно и до хаты, – Максим Иванович с теплотой глянул на то, как сын легко поднимает и устраивает на плече стальной плуг.

За спинами шагавших по улице села Поддубных, за плетнями, шептались. Мол, богатыри – отец и сын, придет время – и Иван станет знаменитым на всю округу.

Так в этот день будущий кумир публики провел свое первое публичное представление, приобрел первых зрителей и почитателей с поклонницами. Он, еще не понимая, что стал артистом, чисто интуитивно совершил то, чем издавна пользуются на сцене актеры и лицедеи на манеже. Артист должен выбрать кого-то одного из зрителей и выступать только для него. По его реакции ощущать настроение в зале. Таким зрителем в тот раз стала для Ивана Аленка...

...Воскресенье, как известно, праздник, когда самим Богом запрещено работать. Нет, конечно, можно готовить еду, мыть посуду да и печь топить. Но делать то, чем зарабатываешь на жизнь, или то, что спокойно можно сделать в другой день, нельзя категорически. Это каждый христианин знает.

С утра большинство жителей Красеновки отстояли службу в церкви, исповедались в грехах батюшке, получили отпущение и причастились, а потому могли позволить себе отдохнуть и поразвлечься с чистой совестью. Празднично одетые сельчане прогуливались по улицам Красеновки. Собирались компаниями, чтобы поговорить и обменяться новостями. Естественно, многие обсуждали и то, как вчера Иван Поддубный вместо сбежавшего коня впрягся в плуг и допахал надел. Старики припоминали, что дед Ивана в свое время тоже слыл силачом. Однажды на спор, взявши вола за рога, уложил его на землю.

Ближе к вечеру народ стал собираться на площади в центре села. Тут обычно сходились те, кто хотел померяться силой в борьбе на кушаках и любопытные. Борьба на кушаках – это старинная казацкая забава, практически бескровная, но требующая от участников умения и сноровки в рукопашном бою. Противники забрасывают друг друга за спины пояса и, держась за их концы, пытаются повалить один другого. Казалось бы, очень просто, но ведь борьба древняя, с большими традициями, просто так ее не освоишь. Необходимы тренировки, выдумка, знание приемов, а не только грубая сила и желание победить.

Зародившись в среде запорожских казаков, борьба на кушаках позже попала и в Россию, вместе с казаками, поступавшими на российскую военную службу.

Настоящим чемпионом Красеновки по борьбе на кушаках вот уже лет пятнадцать был Максим Иванович Поддубный. Мало кто решался мериться с ним силой. Но и проиграть ему не казалось зазорным. Сына своего, Ивана, Поддубный-старший приучал к борьбе с детства. В свободное время, а то и просто на поле показывал ему всякие приемы, хитрости, обманные движения, учил уходить от захватов, внезапным рывком поднимать противника в воздух, чтобы потом бросить на землю, положить на лопатки. Нередко Иван с отцом мерились силой у себя во дворе, но в народ не выходили. Ведь не было еще до недавнего времени в Иване той

силы, которая бы могла уложить отца на лопатки. Однако с другими он схватывался часто и был даже в тройке сильнейших.

Любители борьбы занимали места, рассаживались просто на траве, молодежь – парни с девчатами – залезали на телеги у плетней, на бревна, где можно было незаметно для старших прижаться друг к другу, обменяться рукопожатиями, шепнуть пару ласковых слов. Некоторые стояли, лениво пощелкивая тыквенные семечки.

Посредине импровизированного сельского манежа разместились те, кто собрался померяться силой. Были среди них и мужчины в возрасте, и молодые парни, решившие блеснуть перед своими избранницами.

Максим Иванович возвышался над всеми, только сын Иван был почти под стать отцу ростом и телосложением. Мужчины, решившие посоревноваться в ловкости, стояли скинув сорочки, подставляя солнцу загорелые плечи.

– Ну, кто померяется со мной силою? – поинтересовался Поддубный-старший.

– С тобой-то мериться боязно. Проиграю, – отвечал коренастый казак, накручивая на руку широкий пояс.

– Ты, Максим Иванович, лучше сам себе противника выбери. Чтоб потом обидно не было.

– Сам – так сам.

Максим Иванович неторопливо прошелся мимо мужчин, окидывая каждого взглядом, словно мысленно укладывал на лопатки. Сделав круг, пошел по второму. Сельчане шептались. Говорить громко опасались, словно не на площади собрались, а на службе в церкви. Наконец Максим Иванович остановился напротив сына.

– А не хочешь ли ты со мной силами помериться, Иванко? Время-то твое уже пришло.

Честно говоря, вот этого, и особенно сейчас, Ивану совсем не хотелось. Ведь на него смотрела Аленка, стоявшая под самым плетнем отдельно от подружек. У других выиграл бы. А отцу проиграешь – опозоришься. А как тут выиграть? Сильнее отца мужчин в деревне нет.

– Как скажете, тата, – смирился Иван.

– Не хочешь – не будем мериться.

Но отказаться от поединка было бы еще большим позором, чем проиграть его. Публика оживилась. Аленка Витяк, раскрасневшаяся то ли от вечернего солнца, то ли от волнения, подошла поближе, смотрела издали на парня, склонив голову набок.

– Будем меряться.

– Смотри, не проиграй.

Отец и сын размотали кушаки, сложили их пополам, забросили друг другу за спины, натянули. Некоторое время они топтались по кругу, примериваясь один к одному. Иван старался передвигаться, не отрывая ног от земли, так сложнее будет его опрокинуть. Максим Иванович не спешил, хоть его и подбадривали криками:

– Давай, Максим Иванович, давай!

Первым рванул Иван, попытавшись поднять отца в воздух, но тот словно прирос к земле, даже пятки не приподнялись. В рывок Иван вложил много сил, и теперь ему оставалось только ждать, когда в наступление перейдет отец.

Зрители загудели, предчувствуя победу старшего Поддубного.

«Ну, чего он тянет? – думал про себя Иван. – Бросил бы меня на землю. Пять минут позора – и все».

Но Максим Иванович, как и в работе, был рассудительным, ждал нужного момента. Именно этому он учил и сына: «Если чувствуешь, что не можешь одолеть противника сразу, то выматывай его, а сам экономя силы».

Отец рванул кушак на себя. На мгновение ноги Ивана оторвались от земли, он абсолютно точно почувствовал, что с ним сейчас могут сделать что угодно. Он бросил взгляд на

Аленку, та кусала губы, явно переживая за него. Но тут же ступни Ивана чудесным образом вновь коснулись пыльной земли. Однако никто этого чуда не заметил, всем казалось, что благодаря своему умению Иван сумел избежать неминуемого поражения. Сын перехватил взгляд отца, тот тоже смотрел на дочку Витяка – в его глазах заблестел озорной огонек, будто он все понял и задумал что-то чрезвычайно веселое. И тут Иван сообразил, что отец просто решил поддаться ему сегодня в борьбе, но сделает это не сразу. Во-первых, не хочет портить людям праздник быстрым поражением, а во-вторых, держит марку и тем самым поднимает в цене будущую победу Ивана.

Сперва в душе парня поднялась обида. Ведь сам же отец всегда учил его, что жульничать нельзя, но потом он поставил себя на его место и понял, что сделал бы для сына то же самое. Для вида боролись долго. То один, то другой оказывались на грани поражения. Вот только никто из зрителей так и не понял, что их разыгрывают. Публика уже завелась. Люди в возрасте переживали за Максима Ивановича, а вот молодежь уже неприкрыто выкрикивала:

– Иван! Иван! Покажи силу!

И Ивану казалось, что он различает в гуле голосов тихий шепот Аленки, это придавало силы. Когда оба борца уже были мокрые от пота, когда сил оставалось совсем мало, Иван дернул за кушак, приподнял отца и ощутил, как тот сам заваливается на спину.

Победа была очевидной. Люди окружили боровшихся.

– От сына и поражение получить не зазорно, – сочувствовали Максиму Ивановичу.

– Настоящего казака вырастил!

Поддубный-старший только улыбался и еле приметно подмигивал сыну, который вмиг стал самым видным парнем на селе.

Схватки на кушаках продолжились, но Иван в них уже не участвовал. Он исподволь посматривал на Аленку, любовался ею. Девушка пару раз бросила на него быстрый взгляд. Но тут же, заметив, что за ней наблюдают, отводила глаза, опускала голову. А затем засоби-ралась, заспешила по опустевшей улице.

Иван знал, как бороться на кушаках, как пахать землю и сеять пшеницу. Он мог подбрасывать тяжеленные мешки с зерном, но он не знал, как подойти к девушке и сказать ей самые простые слова. Несколько раз глубоко вздохнув, он выбрался из толпы зрителей, окруживших импровизированный манеж. Ему казалось, что все сейчас смотрят на него, понимают, куда и зачем он идет. Хотя на самом деле все были увлечены борьбой.

Аленка торопливо шагала к своему дому. Длинный подол прикрывал ноги, и Ивану казалось, что дивчина невесомо плывет над улицей. До дома Витяков оставалось всего две хаты. А Иван пока еще не решился приблизиться к Аленке, хоть та пару раз и обернулась.

– Постой, – наконец-то вырвалось у него.

– Чего тебе? – обернувшись, спросила девушка и остановилась.

Все заранее приготовленные слова мигом вылетели у Ивана из головы, он просто стоял перед Аленкой и молчал, глядя на нее и вновь представляя с распущенными волосами.

– Так чего тебе? – донеслось до него словно издалека.

– Приходи, как стемнеет, к Шведским могилам, – внезапно вырвалось у него само собой.

Сказав это, Иван повернулся и побежал по улице так быстро, что ему даже не удалось расслышать тихое:

– Может, и приду. А может, и нет.

Иван добежал до луга и упал на землю. Он лежал в траве, раскинув руки, и смотрел на солнце, клонившееся к западу. Хотя ему казалось, что оно застыло на месте и никогда не опустится за горизонт. Пахло сеном, гудели пчелы, мешались мысли в голове, мышцы еще немного ныли после борьбы, но все это казалось ощущением полета.

Наконец небо окрасилось розовым, потом багрянцем. Иван поднялся и пошел прочь от села – туда, где на фоне подсвеченного заходящим светилом горизонта высились три больших кургана. Именно их и называли в Красеновке Шведскими могилами. Разумеется, на самом деле к шведам они не имели никакого отношения – насыпали их жившие здесь в прежние времена сарматы. Но старые дела забываются, и появление курганов местное население прочно связало в сознании со шведами, потерпевшими в восемнадцатом веке поражение под Полтавой от войск Петра I. Будто бы оставшиеся в живых сносили сюда погибших на чужой земле товарищей, а потом засыпали их, таская землю в шляпах. Зачем шведским солдатам понадобилось носить грунт именно шляпами, и не проще ли было соорудить носилки, никто таким вопросом не задавался. Мол, именно так старые люди рассказывали, а им можно верить, они от своих дедов слышали, а те своими глазами видели.

Была еще легенда, что закопали шведы в одном из курганов золотую карету Карла XII. В это тоже свято верили, но никто откопать ее не решался. Нельзя тревожить покой мертвых. Рассказывали, будто эта карета раз в год выезжает из кургана «для просушки» в лунном свете. И тому, кто увидит ее, будет в этой жизни счастье. С одной стороны, Шведские могилы считались местом проклятым, заколдованным, с другой – сюда любили приходить влюбленные. Ведь тут всегда было тихо, никто из отцов и матерей сюда не заглядывал, даже траву возле них никогда не косили, считалось, что, поев ее, скотина сдохнет. Да и напуганную страшными историями девушку проще обнять.

Иван сел у подножия кургана и смотрел на село. В окнах загорались огоньки лучин, сальных свечей, а в домах побогаче – керосиновых ламп. Вскоре темнота опустилась на землю, и Красеновка с ее огоньками стала казаться догорающими в потухшей печке угольками. Похолодало. Легкий ветер колыхал нескошенные травы. До боли в глазах всматривался Иван в темноту, пока наконец не различил приближающуюся белую фигурку, казавшуюся ему привидением. Она бесшумно плыла среди высокой, лежащей волнами под ветром травы. Девушка замерла, огляделась, словно раздумывала – а не вернуться ли ей назад.

– Аленка, – позвал Иван и заспешил навстречу.

Он подошел и остановился. Витяк казалась ему хрупкой и почти бестелесной, хотя и была обыкновенной сельской девушкой, проводившей целые дни в работе.

– Ну, здравствуй, Иван, – выдохнула она. – Сказать чего хочешь?..

Она говорила, и было все равно, что именно она говорит. Главное – слышать ее голос, подобный песне жаворонка в небе. Иван сам толком не помнил, как взял ее за руку, повел за собой к кургану, как усадил. Опомнился, когда уже сидел рядом, так и не выпустив ее руку из своих могучих ладоней. Иван тоже говорил что-то несуразное о том, какие виды в этом году на урожай пшеницы, сколько сена они заготовили с отцом и братьями. И ни слова о том, что у него творится на душе. Он чувствовал, как иногда Аленка сжимает пальцы, словно отвечает его невысказанным словам.

– Ой, родители что подумают, я сказала им что с девчатами пойду гулять, а они, наверное, уже вернулись, – спохватилась Аленка.

– Я тебя провожу, – пообещал Иван.

Шли не по деревне, а задворками. Тропинка то и дело пропадала в темноте. Пахло тем, что растет на огородах – чесноком, луком, укропом, петрушкой, любистком.

– Ну, вот и пришли, – немного грустно произнесла Аленка.

Так не хотелось выпускать ее руку! Иван нагнулся и неумело поцеловал девушку в губы. Просто коснулся ее губ своими. Аленка отпрянула, беззвучно вскрикнула, а затем засмеялась.

– Глупый ты, глупый.

После чего, приподняв подол, заспешила к дому. Вскоре Иван уже слышал ее голос. Аленка рассказывала матери «где гуляла с подругами, что видела». И самое удивительное, ее рассказ звучал настолько убедительно, словно так все и было на самом деле.

Вернувшись к себе, Иван даже не стал заходить в дом, устроился на сеновале. Спать не хотелось. Он лежал, вдыхая запахи родной земли, смешанные с ароматами ночи. На небе горели звезды. Будущее казалось ему светлым и радостным. Ведь как же еще может быть, если он поцеловал Аленку, а она не стала противиться? Сон подкрался незаметно. Иван даже и не заметил, как провалился в него. Там он вновь оказался у кургана с Аленкой Витяк, они стояли, взявшись за руки, а навстречу им выезжала золотая карета шведского короля. Но так и не узнал Иван Поддубный, куда она должна их завести. Проснулся от крика петуха. Нахальная птица высилась на балке прямо перед ним, хлопала крыльями и радостно кричала, встречая восходящее солнце...

...Потом еще были встречи с Аленкой – и тайные, у Шведских могил, и в селе, на глазах у людей. Теперь Иван уже не испытывал робости в разговорах с ней. Она стала для него близким, но, как оказалось, не до конца своим человеком. И вот однажды он твердо сказал отцу, что хочет посвататься к Аленке.

Максим Иванович выслушал сына и тяжело вздохнул.

– Я тебя понимаю. Красивая она, хорошая и хозяйкой стоящей будет. Но не пара она тебе.

– Почему же?

– Не пара, и все. Отец ее за тебя не отдаст. Мы не голытьба какая-нибудь, но и не сильно богатые. А он деньги считать умеет. Отдаст только за того, кто богаче его. Сам сколько раз от него слышал.

– Но любит она меня. И я ее люблю.

– Сегодня любит, завтра за другого пойдет. Женщины все такие, – не оставлял попыток образумить сына Максим Иванович. – Найдешь ты еще свое счастье.

– Зачем искать, если оно уже рядом?

Не занимать было упрямства Ивану, настоял-таки, и отец согласился заслать к Витякам сватов. Сделали все честь по чести, как заведено. Иван даже на колени перед старым Витяком стал, нагайку перед ним положил. Мол, если что, тот может и ударить будущего зятя. Аленка подсматривала за этим из-за занавески. Витяк Ивана выслушал, с коленей поднял, только и сказал, чтобы шел во двор со сватами, ответа дожидался. Какого ответа, так и не сказал.

О чем говорили в хате дочь и отец, только они и знали. Наконец, когда Иван и его приятели устали ждать, дверь отворилась и на крыльцо вышла Аленка – бледная, как той ночью, когда она к Шведским могилам на первую встречу к нему шла. Сразу же Иван недоброе почувствовал, но не хотел об этом и думать, подбежал, шумно выдохнул.

– Ну?

Аленка не стала ему в глаза смотреть, но слезы ее Иван увидел...

Когда Иван к друзьям вернулся, только и сказал:

– Отказала.

И сразу же Иван Поддубный показался всем другим, таким, каким они его никогда прежде не видели, не знали. Куда только подевалась радость, даже жизненная сила, казалось, его покинула. Три дня он не показывался людям на глаза. То на сеновале сидел, то уходил до рассвета за село. Мать уже беспокоиться стала, хотела с ним поговорить, чтоб, чего доброго, руки на себя не наложил, но Максим Иванович остановил супругу:

– Каждый человек должен свое горе в себе пережить, пока оно из него не выйдет, как пот во время работы.

И вот однажды Иван стал перед отцом и сказал ему, что хочет податься в город на заработки. Максим Иванович, хоть и было по хозяйству еще много неоконченной работы, не

стал его удерживать. Знал, что не может больше Иван жить в Красеновке. Невыносимо ему каждый день Аленку видеть и знать, что не может подойти к ней, поговорить даже не может.

– И чем заняться думаешь?

– В грузчики пойду, – не раздумывая, ответил Иван. Видно было, что все для себя он уже решил.

– В грузчики можно, силы в тебе хватает. Ты бы у наших расспросил, где и как можно устроиться. Хорошее место подсказали бы.

– А чего советоваться? Грузчики в любом порту нужны. Отпускаете?

Назавтра, расцеловав отца и мать, получив их благословение, распрощавшись с сестрами и братьями, Иван отправился в дорогу.

Мы не знаем, смотрела ли Аленка из-за занавески тайком на то, как уходит ее любимый, плакала ли. Наверное, плакала. Но, возможно, не тогда, а потом, когда узнала от других людей, что Иван Поддубный покинул Красеновку надолго. Не знаем мы также, имел ли он точный план, знал ли, куда именно направляется, в какой город. Скорее всего, о таких вещах Иван не задумывался. Какая ему разница, где пытаться счастье? Особых друзей-знакомых у него в городах не было. А работающие люди, которые не боятся трудностей, везде себе применение найдут. Где пешком, где на попутных возах и телегах продвигался он на юг. Случай мог привести его и в Одессу, и в Севастополь, и в Феодосию, и в Керчь.

Глава 2

Пять фунтов хлеба под бутылку пива. Искушение картами. Проходимцы и биндюжники. Счастливая кобыла. Геркулес, разрывающий пасть льву, и гадание цыганки. Дом у теплого моря.

Итак, 1893 год. Двадцатидвухлетний Иван Поддубный в широком войлочном пальто, войлочной же крестьянской шляпе, с самодельным саквояжем, плетеным из ивовых прутьев, в сапогах и штанах домашней работы оказался в Севастопольском порту. В планах у него было заработать много денег, вернуться в Красеновку и завоевать Аленку. Как именно это будет происходить – то ли она сама придет к нему, то ли придется бросить деньги к ногам ее жадного отца, Иван еще не знал. Но твердо верил, что главное – поставить перед собой цель, а уж добиться он ее сможет.

Разбогатеть, работая в порту грузчиком? Вам кажется это наивным и смешным? Но простаком он не был, крестьянской основательности ему было не занимать. Не забывайте об очень молодом возрасте Поддубного и о его патриархальном воспитании. Да и не слишком большие деньги нужны были, чтобы стать уважаемым человеком в Красеновке.

К тому же в то время Украина была без преувеличения настоящей житницей Европы. Миллионы тонн отборной пшеницы отправлялись морем из черноморских портов Российской империи на Запад. Миллионные суммы оборачивались через порты. Но хлеб сам в трюмы кораблей не посыплется, его надо туда еще загрузить.

Помните знаменитую песню про «Константина и шаланды, полные кефали, которые он в Одессу приводил»? Там есть и такие строчки: «...и все биндюжники вставали, когда в пивную он входил...» Так вот, биндюжники – это портовые грузчики, на чьих плечах в мешках переносилась вся экспортируемая Черным морем пшеница. И получали они немалые деньги. Другое дело, что многие из биндюжников пропивали их, проигрывали в карты, тратили на проституток. Портовый город таит в себе много соблазнов и искушений. Но многие тратились по минимуму, лишь на харчи и дешевое жилье, остальное откладывали. И через год-два работы в порту могли уже позволить себе приобрести небольшой надел земли и построить незатейливую мазанку в Центральной Украине, чтобы вновь работать на земле, как это делали их деды-прадеды. Примерно так и представлял себе свое будущее Иван Поддубный.

Он и раньше бывал в больших городах, но тогда это были лишь короткие поездки, когда не требовалось вникать в тонкости местной жизни. Однако теперь он смотрел на Севастополь совсем другими глазами. Здесь ему предстояло провести много времени, понять, чем живет порт, город, стать в какой-то мере своим, чтобы не обманули, не обокрали. Ведь иначе и мечту вернуть себе Аленку Витяк, сделать ее своей женой – не осуществить. Можно было, конечно, как и советовал отец – Максим Иванович, – отыскать односельчан, многие из которых работали грузчиками. Они бы и подсказали, где лучше всего устроиться. Но встреча с земляками неминуемо требовала рассказа о том, почему он подался в город во время полевых работ. Рассказа о сватовстве и отказе отдать за него Аленку. Гордость не позволяла Ивану пойти на такой шаг. Вот и решил он попытать счастья почти вслепую. Пусть узнают обо всем, что произошло в родном селе, но не от него.

Иван стоял в порту и присматривался к его напряженной жизни. Разношерстная, разноразовная публика сновала во всех направлениях. Оборванцы и респектабельные господа, уличные торговцы и разносчики газет, дамы сомнительного поведения, перекупщики и ростовщики, матросы торговых судов и пассажиры... Все это беспрерывно двигалось, говорило на множестве языков. Причем движение казалось на первый взгляд абсолютно хаотичным. Но, конечно же, королями на этом «празднике жизни» были портовые грузчики. Биндюжники подходили к огромным, как курганы Шведских могил, штабелям с мешками,

наполненными зерном. Товарищи взваливали каждому на плечи по два сразу. Мрачные мужчины цепочкой двигались к сходням, всходили на палубу и исчезали в трюме. Это движение было безостановочным. Даже важные господа, оказавшись на дороге у грузчика, считали за лучшее пропустить его. С такой непреодолимой энергией двигались биндюжники.

В карманах осталось еще немного из тех денег, которые дал ему отец на дорогу, и Иван решил перекусить, прежде чем двинуться на поиски работы. Он прошелся вдоль оживленной швартовочной стенки и вскоре отыскал вполне приличного вида закусочную. Как надо выбирать заведение, он уже знал – тоже отец научил. Если посетителей мало, значит, тут или плохо, или слишком дорого кормят. Если же людей много, особенно местных, значит, зайти стоит. И не потратишь много, и не отравишься.

Вскоре такое и отыскалось. Неброская вывеска с фамилией владельца возвышалась над навесом, установленным на столбах. Внутри – дешевые стулья и не покрытые скатертями столики. Иван подошел к стойке буфетчика, попросил бокал пива и пять фунтов хлеба. Буфетчик еще переспросил, так ли понял посетителя.

– Пять фунтов? – свеженалитое пиво пенилось в стеклянном бокале.

– Ну да, пять. А что здесь такого?

– Это же целая буханка!

– Случается, я и больше съедаю, – удивился Иван.

Это была сушая правда. Он не особо любил мясо, но вот хлеба мог съесть за обедом килограмма два. За что над ним часто подшучивали. Но что поделаешь, могучий организм требовал топлива.

– Понятно, – улыбнулся худощавый буфетчик, выкладывая на тарелку буханку хлеба. – Вам порезать?

– Лучше сразу кусать, так вкуснее.

Со своим странноватым заказом Иван Поддубный устроился за столиком поближе к перилам, чтобы лучше видеть портовую жизнь. Плетеный саквояж, в котором и была то всего смена белья, чистая, вышитая по воротнику сорочка да кусок мыла с рушником, предусмотрительно поставил на колени, чтобы не сперли. Напротив заведения как раз шла погрузка на небольшой грузо-пассажирский пароход местного сообщения. Команда помогала заносить на палубу нехитрые пожитки переезжающих на новое место горожан и крестьян. Поддубный с улыбкой смотрел на то, как двое грузчиков, ругаясь, с натугой тащат по хлипким, раскачивающимся сходням старое фортепьяно. Он бы сам в одиночку легко затащил его, лишь бы только нашлись ремни или вожжи, чтобы снести его на спине.

Иван разломил буханку пополам и стал есть, изредка запивая хлеб пивом, лишь для того, чтобы немного размочить его и суметь проглотить.

– Разрешите присесть, уважаемый? Не помешаем? – услышал он вкрадчивый мужской голос и обернулся.

У его столика переминались с ноги на ногу двое прощелыг с пивом в руках. Выглядели они «скользко». Одеты как господа, да только их модные когда-то сюртуки были подшиты на локтях кожей, обшлага и воротники лоснились от пота. Выцветшие ленты на соломенных шляпах-канотье были в подозрительных пятнах. Эти двое сильно старались показаться приличными людьми с положением в обществе, но чувствовалось, что им не всегда есть где переночевать и чем заплатить за ужин.

Иван смерил их взглядом, пожал могучими плечами.

– Присаживайтесь. Место всем найдется, – и он подвинулся ближе к перилам, чтобы освободить пространство.

Носатый прощелыга присел, отхлебнул пива и стал заученно говорить, обращаясь к своему приятелю. Человек, более проницательный, чем молодой Поддубный, мгновенно бы

почуял фальшь и понял бы, что все сказанное на самом деле обращено к нему. Речь шла о том, будто бы какой-то их приятель внезапно уехал из города, чем очень усложнил им жизнь.

– Федор – форменный дурак, – рассуждал носатый про своего отсутствующего приятеля и дул на никак не хотевшую оседать пивную пену. – Мог же кучу денег заработать.

– И что теперь делать? – возмущался краснолицый прощелыга.

– Человека всегда найти можно, – носатый покосился на Поддубного и тронул его за руку. – Уважаемый. Вы, как я понимаю, работу в Севастополь искать приехали?

– Ну, приехал, – не слишком охотно согласился Иван.

– Значит, вам крупно повезло, – с готовностью отозвался носатый.

– В чем? – удивился Поддубный.

– А в том, что судьба свела нас всех сегодня вместе. У нас для вас есть отличная работа.

– Это какая же?

– Делать вам практически ничего не придется, а заработаете много, – встрял краснолицый. – В карты играть умеете? В «очко», скажем?

– Видел, как играют, а сам не пробовал, – абсолютно искренне ответил Иван.

Носатый взмахнул рукой и жестом фокусника извлек из рукава карточную колоду, при этом стало видно, что под сюртуком нет рубашки, только манишка и манжеты. Он ловко перетасовал карты и стал выкладывать их по одной перед Поддубным.

– Напомню. Вот мы с вами, допустим, договорились играть. В идеале у вас должно оказаться двадцать одно очко. Можно и меньше, но больше – нельзя.

– Помню такое.

– Вот смотрите. У вас туз, валет и шестерка. Итого – девятнадцать. Это уже хорошие карты. И вы говорите мне «хватит».

– Хватит. Теперь берите себе, – немного втянулся в разговор Иван, но при этом не забывал отламывать куски хлеба и забрасывать себе в рот.

– Я и беру! – носатый бросил перед собой три карты и задумался. – Семнадцать. Брать еще одну – рискованно, может оказаться «перебор». И потому я, поскольку не должен был видеть, что у вас на руках, больше и не беру. Открываем карты. Вы выиграли. Понятно?

– Не совсем. В чем моя работа?

– Вот это и есть самое интересное!

Прощелыги переглянулись.

– Мы приведем вас в одно очень хорошее место, где собираются любители поиграть в карты, и сделаем так, что вы крупно выиграете. А потом выигрыш поделим по справедливости. Вы не верите, что можно так сделать? – носатый, не дожидаясь ответа, еще раз ловко перетасовал колоду и стал выбрасывать перед Иваном по две, по три, по четыре карты.

И каждый раз в сумме получалось двадцать одно очко. Расчет прощелыг был прост и надежен. Внешность Ивана внушала доверие, никто бы не смог заподозрить в нем карточного шулера. Оказавшись за одним столом с ним, аферисты понемногу проигрывались бы, втягивая в игру честных игроков, обирая их. Потом же, обыгранные, прикинув силу Ивана, вряд ли бы решились с ним спорить.

– Видите, как все просто? – ухмыльнулся носатый.

– Как вы это делаете?

– Ловкость рук и никакого мошенничества, – расплылся в гнусной улыбке краснолицый. – Ну, еще немного математического расчета. Мы договорились? Заработок хороший, и главное, вам практически не придется ничего делать самому. Все сделаем мы. Пятая часть выигрыша остается у вас, остальное переходит к нам.

Предложение казалось соблазнительным, если, конечно, не задумываться над последствиями сотрудничества с шулерами. Подозрительно часто выигрывающий новичок обязательно привлечет внимание. В результате его или же пристукнут по дороге домой, или же

он окажется за решеткой. Прощелыги же быстренько сменят Севастополь на другой город, где о них еще не слышали.

– Ну, так как? – поторапливал носатый.

– Знаете что, господа хорошие, – вымолвил Поддубный. – Идите вы отсюда, пока я полицию не позвал.

– Зачем сразу полицию? Мы же не предлагаем кого-то обманывать, – не унимался носатый.

Поддубный дожевывал хлеб, глотнул пива. На пирсе тем временем происходило следующее. На борт грузо-пассажирского пароходика поднималась с пожитками семья сельчан. Перенести корзины, сундуки, мешки и свертки труда не представляло, даже телегу закатили по сходням. А вот с кобылой оказалось посложнее. Не хотела она ступать на раскачивающиеся над водой доски, сколько ни тащил ее за уздечку хозяин. Не помогали ни грозные крики, ни ласковые слова. Животное испуганно ржало, задирая морду к небу, словно его вели не на судно, а на убой.

– Чтоб тебя волки порвали! – кричал хозяин, размахивая кнутом. – Не пойдешь, цыганам продаж! На колбасу пойдешь!

Рядом уже собирались ротозеи. Кобыла от этого еще больше пугалась, шарахалась, грозя сорваться в воду.

– Ну что, договорились? – напомнил о себе носатый, перепуская карты змейкой из одной руки в другую. Он даже не глядел на них, казалось, что карты летают сами по себе.

– Не договорились, – Поддубный допил пиво, положил остатки хлеба в карман, предупредительно завернув их в кусок полотна, и поднялся из-за стола.

– Зря, очень зря! – крикнул ему вдогонку краснолицый. – Подумайте, уважаемый.

А Иван уже выходил к сходням. Хозяин кобылы уже потерял терпение, особо раздражали его любопытные. Публика собиралась не только у пристани. Из открытых окон ближайшей конторы за происходящим следили уже и служащие.

– Ну, чего уставились? – зло бросал хозяин тем, кто пялился.

– А смотреть не запрещено, – нагло отвечал мальчишка с босыми ногами. – Тут город, дядя.

Хозяин еще раз ударил животное кнутом. Лошадь вырвалась. Пробежала круг и остановилась. С черных губ капала пена, грива тревожно подергивалась.

– Кто ж так со скотиной разговаривает? – мягко произнес Иван, выходя из толпы.

Хозяин кобылы тут же понял, что перед ним стоит такой же сельский житель, как и он сам, а потому смягчился:

– Да чего я уже только не пробовал! Не хочет идти на судно, хоть ты ее волоком тащи.

– Бойтся. Она ж моря отродясь не видела, да и шумно тут. – Поддубный сунул руку в карман пальто и протянул на ладони кобыле кусок хлебного мякиша. – Ну, иди сюда, иди...

Животное повернуло голову, некоторое время смотрело на Ивана, словно пыталось понять, можно ли доверять этому человеку, и... успокоилось, потянулось губами к хлебу, слизнуло его, доверчиво ткнулось влажным носом в ладонь.

– Все равно не пойдет, – махнул рукой хозяин. – Думаешь, я так не пробовал? Только на доску копыто поставит, сразу назад. Я и сахарком ее угощал.

– А ей и не надо копыто ставить, – Поддубный хитро прищурился. – Мы так сделаем... Ты только за вещами моими присмотри.

И он сделал то, что уже несколько раз проделывал в Красеновке на спор с приятелями. Подлез под кобылу и поднял ее на плечи. Наперед знал, что животное не станет вырываться. Лошадь, оказавшись в непривычном для нее положении, мгновенно испуганно замерла. Тяжесть была огромная, но Иван знал – на спине можно что угодно таскать, главное – не терять равновесия. Он неторопливо двинулся к сходням. Собравшиеся зеваки ахнули,

по толпе пробежал гул восхищения. Всякое можно увидеть в порту, но такое зрелище тут наблюдали впервые. Поддубный ступил на хлипкие сходни.

«Только бы выдержали», – пронеслось в голове.

Но потом тут же вспомнилось, как матросы тащили пианино, а оно наверняка весило не меньше худосочной кобылы.

– Не урони только, – испуганный хозяин от волнения взялся за голову.

– Не говори под руку, – огрызнулся Поддубный.

Шаг за шагом он преодолевал сходни, прислушиваясь к скрипу досок под ногами и гулу восхищенной толпы зевак. Плечами ощущал, как часто и неровно бьется сердце испуганного животного. Наконец нога Ивана ступила на палубу, он присел, кобыла, почувствовав под собой твердую опору, вздрогнула, неуверенно стала на все четыре ноги и, пошатываясь, подошла к борту. Только теперь собравшиеся закричали, до этого боялись спугнуть лошадь. Под эти крики Иван и спустился с корабля, снял шляпу, вытер ею вспотевшее лицо.

– Сколько я тебе должен? – хозяин кобылы беспорядочно шарил по карманам.

– А нисколько. Мы же с тобой ни про что не договаривались, – пожал плечами Иван.

– Нельзя так.

– Можно, – усмехнулся Поддубный.

Ему грело сердце восхищение людей, признавших его успех, от этого даже слегка кружилась голова. Зеваки неторопливо расходились. Из-за парапета питейной на Поддубного таращились носатый с краснолицым. От увиденного они даже позабыли о своем предложении, так их впечатлило зрелище. Из здания конторы к Ивану торопливо шел худощавый мужчина в клетчатом жилете, на локтях у него лоснились черные сатиновые нарукавники. Маленькие стеклышки очков поблескивали на солнце.

– Вас как зовут? – спросил он, взмахнув правой рукой, на пальцах которой виднелись чернильные пятна.

– Поддубный я – Иван Максимович, – проговорил силач.

– А моя фамилия Тапузидис, – представился мужчина. – Управляющий местным отделением греческой фирмы «Ливас», – и обернулся на здание конторы.

Поддубный сразу же понял, что это его шанс, почувствовал, что судьба сама ведет его правильным путем. Не зря же появилась в порту пугливая кобыла. Не зря еще в Красеновке он на спор носил на плечах коня. Вот только нужно правильно понимать эти знаки судьбы, связывать их между собой, ведь она коварна и часто подсовывает всякие искушения типа тех двух прощелыг в питейном заведении.

Тапузидис глядел на Поддубного, как смотрят на понравившуюся на рынке вещь, разглядывал так, что Иван даже смутился. Не принято такое в селе.

– Геракл, настоящий Геракл! – восхищенно проговорил грек.

– Какой еще Геракл? – не понял Поддубный.

Он смутно припоминал о том, что про какого-то Геракла в приходской школе после занятий говорил священник с детьми, но кто он такой, так и не всплыло в памяти. Тапузидис охотно пояснил, причем сделал это без всякого выпячивания своей образованности, словно рассказывал, как пройти к нужной улице:

– Геракл – это древнегреческий герой. Силач. Самый сильный из всех живших на Земле. Он льву пасть голыми руками мог разорвать и, кстати, разрывал.

– Так я ж не разрываю, – усмехнулся Поддубный. – Зачем льву пасть рвать? Пусть живет.

– А знаете, как Геракл стал таким сильным? – спросил и тут же продолжил грек: – Еще мальчишкой он брал на плечи теленка и каждое утро оббегал вокруг городских стен. Теленок рос, становился тяжелее, и уже подростком Геракл спокойно носил быка на себе, бегал с ним вокруг города. Вот так совершаются великие дела. Вам бы в цирке выступать.

Иван улыбался, представив себя с быком на плечах. Тапузидис сделался серьезным:

– Вы, Иван Максимович, – перешел он на вполне официальный тон, – наверное, работу в Севастополь приехали искать? – он покосился на плетеный саквояж с нехитрыми пожитками.

– Сильно заметно? Да, есть такое, на заработки в город подался.

– Тогда лучше и не ищите. Считайте, что уже нашли. Согласны работать грузчиком на фирме «Ливас»? Если хотите, можете о нас справки навести. Репутация у нас безупречная. Лучшей не найдете.

– Слышал о ней. Парни, которые в Одессе работали, хвалили. Сказали, им все до копейки выплачивали.

– Вот видите. Сколько вы рассчитываете зарабатывать?..

Иван и сам этого не знал.

– Как все, – слегка растерявшись, ответил он.

– Себя ценить надо. Знать свою цену. Это как на базаре, привезли товар – сами цену и устанавливаете. Много взять захотите, никто не купит, даже если товар хорошим будет. Мало попросите – прогадаете. Ну, так сколько? Вы же вдвое больше обычного биндюжника поднять можете.

– В порту грузчики артелями работают, – показал свою осведомленность в этом вопросе Поддубный. – Что заработали, на всех поровну делят. Когда кто работает спустя рукава, с тем сперва поговорят, а потом, если не поможет, сами и прогонят. Если из-за меня хотите кого выгнать, то я сразу не согласен. Захотят ребята меня к себе взять, тогда другое дело.

Тапузидис с уважением посмотрел на Поддубного, люди с принципами ему нравились.

– Тогда пошли. Сами спросим, – было видно, что он привык решать вопросы быстро, с ходу.

Иван еле поспевал за шустрым греком. Тот умудрялся идти быстрее всех, буквально просачивался сквозь портовую суету, проскальзывал между людьми. Широкий же в плечах Иван застревал. Он привык к сельскому простору, когда можно идти свободно, когда никто не стоит у тебя на пути. Тапузидис словно испытывал того, кого хотел нанять на работу, будто хотел узнать, способен ли Поддубный приспособиться к городской суете. Ведь здесь без этого никак нельзя.

– Пьянством не страдаете? – спросил он, вновь оказавшись рядом с Иваном. – А то, знаете ли, многих крепких мужчин мне пришлось повидать. Слабые у нас не работают. Вот только водка сильнее многих оказалась.

– Выпить могу, но без разгула.

– Это хорошо. Вот мы и пришли.

У стенки чернела громада парохода. На мостовой высился штабель с мешками. Бригада грузчиков – человек двадцать – устроилась прямо на них. Биндюжники перекусывали. Завидев управляющего, мужчины торопливо дожевывали, поднимались, здоровались с уважением. Грек тут же перешел к делу:

– Вот, – указал он на своего спутника. – Поддубный Иван Максимович. Хочет узнать, возьмете ли вы его к себе работать?

– А чего он умеет? – тут же раздался закономерный вопрос.

– Да все умею, – Иван развел руками.

Тут же кто-то из грузчиков припомнил:

– А это не ты кобылу на пароход занес?

– Ну я. А что? Надо было, и занес.

Такой ответ почему-то позабавил суровых портовых грузчиков. Раздался хохот. Поддубный почувствовал, что просто взять сейчас три мешка с зерном и бегом занести на судно

– это не демонстрация его возможностей. Следовало удивить народ. Он расставил ноги пошире, развел руки в стороны.

– А ну подходи, цепляйтесь, сколько сможете.

Замешательство длилось совсем немного. В чисто мужских компаниях в чести смелые дерзкие забавы.

– Чего уж тут, посмотрим на твою силу.

Крепкие мужчины один за другим висли на расставленных руках Ивана. Больше четырех повиснуть уже не могло, не за что уцепиться.

– Эх вы, я бы и шестерых унес, – поддел биндюжников Иван и понес живой груз к кораблю.

Донеся до сходней, он просто страхнул людей, поведя широкими плечами. Очередное представление возымело свое действие. Так Иван Поддубный подписал первый в своей жизни контракт, официально став портовым грузчиком греческой фирмы «Ливас». Произошло это в душной комнатухе с пыльным окном. Конторщик вслух прочитал содержание контракта и положил лист перед Иваном:

– Все понятно?

– Контракт такой, как и с остальными? – только и спросил он, а получив утвердительный ответ, подышал на пальцы, макнул ручку со стальным пером в чернильницу и старательно вывел внизу свою фамилию.

Работа была не из легких. Однако четырнадцатичасовой рабочий день не казался таким уж долгим – в селе Иван привык работать вообще от рассвета до заката. Тяжелые мешки с зерном казались легче, чем были на самом деле. Ведь сердце Поддубного грела мысль, что он заработает много денег, приедет в Красеновку и непременно вернет себе Аленку Витяк. Потому много он не тратился, почти все, что получал в конце недели, откладывал. Ассигнации всегда держал при себе. Даже несмотря на то, что Тапузидис предложил ему воспользоваться собственным конторским сейфом. Не то чтобы Иван не доверял греку, просто так было спокойнее, когда он в любой момент мог потрогать, посмотреть на деньги, которые приближали его к исполнению заветной мечты. В письмах домой к отцу он специально не спрашивал об Аленке, боясь получить весточку, что она, не дождавшись его, вышла замуж. Максим Иванович в ответных письмах тоже ни словом не обмолвился о его избраннице. Писал о хозяйстве, здоровье родственников, интересовался жизнью в городе – в основном ценами на рынках.

Жил Иван, опять же из целей экономии, с другими грузчиками в бараке, расположенном сразу за территорией порта, хотя по деньгам мог позволить снимать на пару с кем-нибудь комнату в городе, как делали некоторые другие биндюжники. В этом барачном житье было всего лишь два плюса – дорога в порт близкая и дешевизна. В остальном же одни неудобства. Когда неженатые мужчины живут тесно, неизбежными становятся пьянство, столкновения между ними. Всегда находился кто-нибудь, кто пьяным возвращался посреди ночи и вспоминал старые обиды на товарищей. Иногда доходило до драк и поножовщины. Биндюжники – народ суровый. Вот тогда и пригождалась сила Поддубного. Приходилось вставать и успокаивать дебоширов. Обычно он просто выставлял их на улицу, мол, там делайте что хотите, хоть поубивайте друг друга, а тут не мешайте приличным людям отдыхать после работы. Особо компанейским Поддубный не был. Для того чтобы не сильно выделяться среди остальных, иногда выпивал вместе с другими грузчиками, но головы при этом никогда не терял. А на предложения позабавиться с распутными девицами неизменно отвечал, что у него в селе есть невеста и глупостями ему заниматься некогда, да и ни к чему. Вот только курить начал, возможно, для того чтобы казаться постарше.

Изредка ходил в городской парк. Но там ощущал себя не в своей тарелке. Неуютно, когда ты в крестьянской одежде, а вокруг расфуфыренные горожане прогуливаются, косятся на тебя.

Время для Ивана словно бы остановилось. Из дня в день происходило одно и то же. Четырнадцать часов он смотрел себе под ноги, чтобы не споткнуться и не загреметь вместе с тяжеленными мешками, затем – неуютный барак и сон. Выходные он любил проводить возле моря. Теперь ему казалось, что он и вырос на морском берегу. Такими же родными, как и полтавские пейзажи, ему стали водный простор, волны, крики чаек.

Однажды воскресным вечером Поддубный, выбравшись за город, сидел на морском берегу, замороженно глядя на горизонт, за которым скрывались другие – не такие уж и далекие – страны и земли. По кромке прибоя шла женщина, уже издали можно было понять, что это цыганка. Цветастое, развевающееся на морском ветру платье с глубоким вырезом, непокрытая голова. Издали она казалась молодой, полной сил. Так легко и грациозно шла, ступая босыми, загорелыми до черноты ногами по песку. Но когда она подошла поближе, то стало видно, что она старуха, а лицо ее испещрено глубокими морщинами, как разошедшаяся земля трещинами. Цыганка уверенно направилась к Ивану, посмотрела прямо на него, стараясь встретиться взглядом – так никогда не сделает украинская или русская женщина. Славянка будет избегать смотреть прямо, а постарается как-нибудь незаметно и ненавязчиво привлечь к себе внимание.

Иван и раньше сталкивался с цыганками-гадалками, умел их отваживать, а потому уже приготовил пару обычных для таких ситуаций фраз. Знал, что не стоит смотреть им в глаза. Заморозит вмиг, воли лишишься, сам отдашь все, что у тебя с собой есть. Цыганка криво улыбалась, подошла, остановилась в шаге от смотревшего на горизонт Ивана и произнесла на удивление молодым голосом, даже не поздоровавшись:

– Не обидь бабушку. Дай папироску.

Ни одна из приготовленных фраз по ситуации не подходила, а потому Поддубный искренне удивился:

– Откуда знаешь, что я курю, к тому же именно папироски?

– А я все на свете знаю, – ухмыльнулась старуха-цыганка, обнажив ровные, пожелтевшие от времени зубы.

Иван полез в карман, вытащил папироску, чиркнул спичкой, прикрыв огонек широкой ладонью от ветра. Курил он мало, а потому мог позволить себе не самокрутки, а дорогие фабричные папиросы. Цыганка сноровисто прикурила, выпустила дым через нос – его тут же подхватил, понес ветер.

– А в глаза мне чего не смотришь? Боишься? – спросила она с легким смешком. – Такой большой, сильный, а старухи боишься. Выходит, знаешь, что настоящая сила не в руках, а здесь, – она прикоснулась пальцами к глазам. – Во взгляде она.

– Никого я не боюсь, – пожал плечами Поддубный. – Попросила папироску, я дал, ну так и иди своей дорогой. Берег большой. Чего рядом стоишь? Погадать мне все равно не соглашусь. Не верю я в цыганское гадание. Обман один.

– А тебе никто и не предлагает погадать, – засмеялась цыганка. – На сегодня я уже свое за деньги отгадала. Больше мне нельзя. Иначе сила пропадет, – и она мелко потрясла юбкой, сжав край подола в пальцах. Монеты веселым звоном отозвались в потайном кармане. – А за то, что ты бабушку уважил, папироской угостил, я тебе и без денег погадаю. Не нужны мне твои монеты. Своих хватает.

Иван колебался, знал, что гадалки горазды на всякие хитрости и их словам верить нельзя.

– Все равно, не надо гадать. Лишнее.

– Боишься, значит. Ты мне в глаза посмотри.

Поддубный поднял голову, взгляды старухи и молодого мужчины встретились.

– Веришь, что бояться тебе нечего? Плохого не сделаю.

– Теперь верю, – почему-то появилась у Ивана такая уверенность, и он протянул ладонь.

– А мне рука твоя не нужна. Мне глаз твоих достаточно, – взгляд цыганки стал каким-то странным, словно смотрела она сквозь Ивана. – Вижу, – наконец произнесла она. – Станешь ты большим человеком. Императоры с королями будут считать за честь за одним столом с тобой сесть, руку тебе пожать...

Звучало как какой-то бред. Никогда не думал о подобном Иван. Конечно же, он мечтал стать достаточно богатым, известным хозяином в округе родного села Красеновки. Но о том, чтобы российский или австрийский императоры принимали его во дворцах, такое и в мыслях не возникало. А цыганка тем временем вещала потусторонним голосом:

– ...много друзей у тебя в жизни будет, но много и недругов. И большие деньги они на твою жизнь поставят. Вот тогда и вспомнишь меня. Осторожным будь, хитростью на коварство ответь, тогда и спасешься.

– Жена у меня какая будет? – решил спросить уже о земном-реальном Поддубный.

– Одно сказать могу. Любимая жена у тебя будет. И проживешь ты полжизни с любимой женой на берегу синего моря, – цыганка прикрыла глаза. – Все будет в жизни твоей. И богатство, и слава, и нищета с презрением. Все испытаешь.

Старуха глубоко затянулась папиросой, огонек пыхнул и полетел по ветру.

– Все, больше ничего не скажу. Погасла, – цыганка словно вернулась с того света, весь ее потусторонний вид улетучился.

Перед Иваном вновь стояла старая проходимка, готовая дурить простаков на базаре.

– Давай, хоть сколько тебе заплачу, – предложил он.

Поддубного порадовало не то, что ему предстоит якшаться с императорами и королями, в это он не верил, а весть о любимой жене. Он без сомнений решил, что ею станет Аленка. Его даже не смутило и то, что полжизни они проведут вместе у синего моря, до которого от Красеновки далеко.

– За что деньги плачены, то не сбывается. А если от души, то сбудется, – серьезно произнесла старуха, повернулась и вновь зашагала по кромке прибоа.

Заходящее солнце золотило ее пестрый наряд.

После этого случая Ивану стали изредка сниться странные сны. Словно видел он какие-то незнакомые ему города, ходил по ним, слушал чужую речь. Никого он не знал в тех местах, а вот его самого узнавали многие, издали здоровались, норовили руку пожать. И не императоры это были с королями, а обычные люди.

Немного скрасила однообразность жизни поездка на Рождество в родные места. Отец, хоть и выглядел уставшим и даже немного постарел с виду, но на жизнь не жаловался, бодрился перед сыном. Иван нарочно перед самым отъездом из Севастополя купил себе городскую одежду. В ней и приехал, думал показаться Аленке на глаза, чтобы она и ее отец поняли, насколько хорошо у него идут дела. Но только раз прошелся под окнами дома Витяков Поддубный в этом наряде. Когда узнал, что Аленка на праздники уехала к родственникам матери, то уже не рисовался, а переоделся в то, в чем раньше по селу ходил. Перед отъездом отдал он отцу свои деньги на сохранение.

Так и не повидав ту, ради которой отправился на поиски счастья, он поехал назад в Севастополь. Иван и сам не мог сказать почему, но о цыганке и снах он ни отцу, ни матери рассказывать не стал.

Глава 3

Новый город – новые знакомства. Соседи и летающие гири. Иногда неплохо знать французский язык. Проститутка и шествие атлетов. Ловкость рук и никакого мошенничества. Магия цирка – выход на манеж не может быть скучным.

Теперь уже дорога к морю не показалась Ивану такой долгой. Когда не в первый раз проезжаешь одни и те же места, то расстояния в восприятии человека становятся короче. Узнаваемое место проехать – это то же самое, что знакомого по дороге встретить и поговорить по душам. Поддубный даже отмечал в мыслях, где в каком селе хозяин успел новый хлев построить, где крышу перекрыть или новый плетень заплести.

По приезде в Севастополь Ивана ждала новость. На второй день работы Тапузидис вызвал его в контору. Поинтересовался, как на родину съездил. Но Иван понимал, что не ради этого его позвали. Грек по своей привычке пустыми разговорами не занимался, почти сразу и перешел к делу. Фирма «Ливас» расширяла свой бизнес. Грузопоток через феодосийский порт увеличился вдвое. Там срочно требовались грузчики. Сразу набирать людей с улицы – опасно. Пока артель сработается, пока в ней выявятся настоящие лидеры, умеющие держать порядок, нужно время, за которое черт знает что может случиться. Вот и решили владельцы «Ливаса» создать из грузчиков Севастополя этакое ядро новой артели в Феодосии, чтобы задать тон и темп в работе вновь набранных биндюжников.

Ивана вполне устраивало предложение сменить один порт на другой. В Севастополе его почти ничего не держало – настоящими друзьями он тут не обзавелся. В Феодосии ждали его все те же четырнадцать часов изнурительной работы в день, те же мешки с зерном. Но на новом месте платили обещали несколько больше и давали деньги на переезд с обустройством. И это решило дело, Поддубный согласился. Переезд для Ивана не оказался хлопотным. Все его имущество спокойно умещалось в том самом плетеном из лозы саквояже, с которым он появился в Севастополе.

Все портовые города похожи друг на друга, пусть не архитектурой, но духом. В каждом из них чувствуется энергия, чувствуется влияние больших денег, которые в них крутятся. Их переполняют приезжие, прибывшие работать на стройках, в порту. Сюда же стекаются и искатели приключений, жулики всех мастей, аферисты. Портовые города почти никогда не спят, по ночам работают увеселительные заведения, кафе, рестораны, игорные дома. Приезжему из провинции тут легко растеряться.

На этот раз Поддубный решил не повторять своей единственной ошибки, совершенной в Севастополе. Жить в бараке – утомительно. Такой «отдых» порой выматывал больше, чем работа. Теперь он решил снять квартиру. Не отдельную, конечно, а просто комнату, чтобы иметь свой угол в шумной Феодосии. На обустройство на новом месте греческая фирма выделила ему три дня. Поддубный, переодевшись в порту попримичнее, отправился с утра в город. Теперь он уже не выглядел инородным телом – провинциалом, приехавшим на заработки. Ходил, не озираясь по сторонам, от экипажей не шарахался.

Ивану хотелось найти комнату поближе к порту, но, пройдясь по близлежащим кварталам, сразу понял, что это жилье ему не по карману, а потому двинулся по улицам в глубь города. Улочки старой Феодосии забирали вверх к Митридатовой горе, откуда еще во времена Древней Греции и начинался город. На фоне выжженных солнцем холмов высились полуразрушенные крепостные башни бывшей генуэзской фактории.

Понять, сдается ли в доме комната или квартира, было легко. Хозяева просто приклеивали на окно листок бумаги – ходи, выбирай. Вот так и оказался Поддубный в тесном дворике двухэтажного дома. Балкон-галерея опоясывал его, опоры густо увивала виноградная лоза, на веревках ветер полоскал белье. Чувствовалось, что здесь живут тихо. Даже тощие южные

коты, бродившие под стенами, сложенными из местного ракушечника, не мяукали. Из других живых существ здесь присутствовала только старуха. Она сидела на вынесенном во двор выдавшем виды стуле и неторопливо вязала, бросая короткие взгляды на пришельца-силача. Клубок грубых шерстяных ниток лениво перекатывался в картонной шляпной коробке. На втором этаже как раз белел приклеенный к окну квадратик бумаги.

– Комнату себе ищите? – не прерывая занятия, проговорила старуха.

– А вы – хозяйка? – Поддубный указал взглядом на окно с бумажкой.

– Она самая.

О цене договорились быстро. Хотя Поддубный чувствовал, что можно было бы сбить еще, но торговаться он не умел. Его комната находилась в небольшой квартирке, куда провела его хозяйка. В зале, как называла старуха большую проходную комнату, стоял круглый стол, на стене тикали часы-куранты. У дальней стены стояли две аккуратно застеленные кровати с горками подушек: мал мала меньше. Над ними висела длинная самодельная полка, заставленная книгами и иностранными журналами.

– Тут у меня двое молодых людей квартируют, – рассказывала хозяйка. – Очень, кстати, приличные и достойные люди. На мореходных курсах учатся. Когда с занятий придут, уже сами познакомитесь.

– А как же иначе? С соседями всегда ладить надо.

Хозяйка провела Поддубного в его комнату, располагавшуюся сразу за залом. Тут было тесно. Рослый, широкий в плечах Иван если бы расставил руки, то смог бы сразу дотянуться до противоположных стен. Мебели стояло немного. Кровать, стул, тумбочка да небольшой столик. Короткая – на три колышка – настенная вешалка украшала стенку.

– Гардероб у меня в зале, – предупредила старуха и тут же предложила: – За отдельную плату можете и столоваться, как ваши соседи. Готовлю я отлично. Не пожалеете.

– Что ж, и это меня устраивает. Только хлеба я ем много.

– У меня есть определенные правила, – хозяйка говорила строго. – Барышень не водить. Возвращаться до полуночи. Не пьянствовать. Если не уверены в себе, то лучше поищите другую квартиру.

– В себе я полностью уверен, – пообещал Иван.

Устроившись, Поддубный пошел знакомиться с городом. Вернулся уже вечером, когда безлюдный до этого дворик ожил. Оказалось, что населяют его исключительно мужчины. Наверное, это было еще одним неозвученным правилом старухи.

Зайдя в зал, Поддубный увидел двух молодых людей, сидевших у стола за ужином. Один был высоким, статным, с короткими усиками. Второй – коренастым, чисто выбритым.

– Вкусно вам поесть. Я ваш новый сосед, – произнес Иван и представился.

– Нас хозяйка уже предупредила. Николай, – пружинисто поднялся и назвал себя обладатель усов, пожав Поддубному руку.

– Петр, – подал ладонь коренастый.

Рукопожатие у Ивана было крепким, иногда, здороваясь, он забывался, и тогда люди даже вскрикивали от боли. Но на этот раз он пожал руки своим соседям аккуратно.

– Присаживайтесь, – Николай указал на стул.

Только сейчас Поддубный заметил, что стол накрыт на три персоны. Он устроился на предложенном ему стуле и сразу растерялся. Иван привык есть «по-простому», ломая хлеб руками, орудуя одной ложкой. А тут перед ним стояли три чистые тарелки, поблескивали начищенные ложка, вилка, столовый нож, лежала накрахмаленная полотняная салфетка. Поглядев на учеников мореходных классов, он сообразил, что следует делать с салфеткой, и неуклюже затолкал ее край себе за воротник, затем покосился на фаянсовую супницу, из которой торчал половник.

– Наливайте, Иван, – подсказал Петр. – Борщ сегодня отменный.

Поддубный брал супницу в руки осторожно, словно боялся раздавить ее, как яичную скорлупу. Налил полную тарелку огненного борща, в котором плавала мозговая косточка, взял тонкий ломтик хлеба. Однако есть бесшумно, как соседи, у него не получалось, все равно прихлебывал, а потому остановился и даже покраснел. Николай сочувственно посмотрел на соседа:

– Вы не тушуйтесь. Неумения не надо стесняться. Всему когда-нибудь приходится учиться впервые. У меня тоже, пока маменька научила вилок и ножом управляться, до слез доходило.

Приободренный Иван улыбнулся и уже спокойно доел борщ. Поднял ломтик хлеба, посмотрел сквозь него на окно.

– Тонко режет. Даже просвечивает. Экономит?

Николай с Петром деликатно улыбнулись непосредственности Поддубного. Пришедшая чуть позже хозяйка убрала посуду. Разговор не клеился, чувствовалось, что ученики мореходной школы привыкли обсуждать вещи, о которых Иван не имел ни малейшего понятия. Для приличия немного поговорив «о жизни», Поддубный пожелал спокойной ночи и отправился спать.

Железная кровать безбожно скрипела под мощным телом Ивана, а потому приходилось лежать не двигаясь. Ему куда сподручней было бы спать на сеновале. Да где ж его тот сеновал в городе найдешь? Из-за двери доносились тихие голоса соседей. Ученики обсуждали спектакль, на который ходили в прошлое воскресенье. Многие слова Поддубный слышал впервые и даже не понимал их смысла. Он практически впервые столкнулся с другим миром, который существовал рядом с ним, был чем-то враждебным, но в то же время и притягательным. Тут же вспомнилась история про Геракла, рассказанная ему греком Топузидисом.

«А сколько всего другого есть на этом свете, о чем я не имею ни малейшего представления? – подумал Иван. – Это как с местом, где живешь. Сперва, в детстве, кажется, что мир кончается за селом. Потом узнаешь, что есть другие села, города, в которых живут люди. А ведь есть еще и другие страны, другие земли...»

С такими мыслями он и заснул.

Спать можно было бы долго, завтра еще один свободный день, а там уже в порт, на работу. Но дом, населенный одними мужчинами, просыпался рано. Уже с рассветом послышались перезвон ведер, хлопанье дверей. В открытую форточку врывался свежий морской ветер, гудки пароходов, перестук колес. Соседи уже встали. Поднялся бы и Иван, но не хотел мешать им собираться. Поняв, что Николай с Петром уже оделись и вышли, Поддубный легко вскочил со скрипучей кровати.

Во дворе он застал несколько странную картину, на которую никто из жильцов не обращал особого внимания. Видно, подобное происходило здесь ежедневно. Двое его соседей по квартире расположились посреди двора одетые в одинаковые костюмы – полосатые тельняшки-безрукавки и полосатые же спортивные трусы. Между ними лежали на подстилке две пары гантелей. Парни же ловко перебрасывались небольшими гириями с ручкой.

– Раз, два, три! – скомандовал Николай, бросая гирю.

Бросил свою и Петр. Вращающиеся в полете гири разминулись в воздухе. Спортсмены словили их одновременно. И вновь прозвучало:

– Раз, два, три!

Поддубный смотрел на соседей с балкона, облокотившись на перила.

«Ловко у них выходит!» – подумал он.

Затем парни перешли к другим упражнениям. Укладывались на землю и, заложив руки за головы, опускались-поднимались. Они поднимали гантели, причем делали это не просто, а так, словно бы хотели продемонстрировать публике свои хорошо натренированные мышцы, хотя из всех заинтересованных зрителей в наличии имелся только Поддубный.

Николай запрокинул голову, увидел, что за ним наблюдают, и крикнул:

– Доброе утро, Иван, присоединиться не желаешь?

Заинтересовавшийся Поддубный спустился во двор.

– Легковатые у вас гири, – прищурился Иван. Он, как большинство сельских жителей, почти никогда не говорил «здравствуйте», «добрый день», а начинал встречу с какой-нибудь бытовой фразы.

– Дело не в весе, а в ловкости, – усмехнулся Петр, подхватил гирю и несколько раз ее подбросил, поймал в воздухе, даже не глянув на нее. – Сможешь так? – он абсолютно органично окончательно перешел в общении на «ты».

– Попробую.

Гиря показалась Поддубному почти невесомой, в ней не было и пуда. Он легко подбросил ее, закрутив в воздухе, а вот словить не сумел. Николай еле успел убрать ногу, на которую она должна была приземлиться.

– Видишь? – Николай несколько раз повторил трюк, а потом стал поднимать – выжимать гирю над головой. Его мышцы рельефно переливались под загорелой кожей.

– Чем это вы занимаетесь? – поинтересовался Иван.

– Гимнастика, атлетизм, – пояснил Петр. – Тренируем мышцы, с утра разминаемся, даем себе нагрузку, потом весь день бодро себя чувствуем и хорошо выглядим.

– Баловство это все, – сказал Иван. – Зачем мне с утра гири таскать, если потом в порту я целый день мешки бросать буду? А один мешок, как десять ваших гирь весит.

– Ну-ка, сделай вот так, – Петр продемонстрировал, как именно надо сделать.

Он сжал кулаки, согнул руки к плечам, напрягся. Все мышцы торса и рук обозначились, бугристо прорисовались под кожей, а потом несколько раз Петр прогнал по животу «волну». Несколько раз картинно повернулся. Иван сбросил через голову сорочку, повторил, как умел. Получилось совсем неграциозно.

– Вот видишь, – втолковывал Николай. – У тебя силы хватает. Тут вопросов нет. Но когда ты в порту работаешь, у тебя задействованы только определенные группы мышц. Вот и развиваются они непропорционально. А надо давать равномерную нагрузку на все группы. Тогда будет гармония. Это еще древние греки поняли, они и разработали первые системы тренировки. У них это настоящий культ был. Атлетов боготворили, считали такими же героями, как и героев войны.

– Это как Геракл, что ли, который с детства тельца на плечах по утрам носил? – уточнил Иван.

Николай с уважением глянул на Поддубного. Далеко не каждый биндюжник знал о древнегреческом герое и о том, как он наращивал себе мышцы.

– Я сейчас принесу. Время у тебя есть?

Николай сбегал в комнату, принес толстый журнал, на обложке которого был изображен какой-то силач в облегающем трико с голыми ногами. Он стоял, словно изваянный из камня, гордо подняв голову, грудь его наискосок покрывала шелковая лента с надписью.

– Французский журнал по атлетизму, – пояснил Николай. – В Европе сейчас атлетизмом многие увлекаются. А у нас это увлечение только начинается. Посмотри.

Поддубный не умел бегло читать и по-русски, не то что по-французски.

– Французского я, конечно же, не знаю. Ничего не пойму, – крутил он в руках тяжелый журнал, изданный на хорошей бумаге.

– А тут и не читая все понять можно, – Петр стал листать страницы.

Рисунков было много, по несколько на каждой странице. Иногда они покрывали даже все ее пространство.

– Тут показано, как нужно делать упражнения для развития разных групп мышц, – пояснял Петр. – А вот здесь приемы борьбы.

Упражнения на развитие разных групп мышц особо Поддубного не заинтересовали, он по-прежнему считал это пустой забавой, а вот рисунки, изображавшие сражающихся борцов, сразу же привлекли внимание. Вспомнилось, как боролись на кушаках в Красеновке, повеяло родным и близким. Вот только борцы на рисунках действовали не по правилам, и кушаков у них не было. Но Иван прекрасно понимал – сколько существует стран, сколько народов – столько и правил.

– Если хочешь, бери, смотри, – предложил Петр. – У нас там еще несколько номеров этого журнала.

Вроде бы обычное происшествие, обычный разговор с соседями по квартире, но это вновь было одно из звеньев цепи судьбы, которая вела Ивана Максимовича по жизни. Вечерами он иногда брал журналы, листал их, рассматривал рисунки, сравнивая приемы знакомой ему борьбы на кушаках с приемами из французского журнала. Теперь уже в его комнате по вечерам часто и подолгу горел свет. Даже хозяйка замечание сделала.

В порту Иван теперь иногда развлечения ради шел к большим весам и для товарищей по работе показывал, как можно бросать гири. При этом всегда использовал самые большие – двухпудовые. Но пока это было лишь слабое и несерьезное увлечение портового грузчика, все еще мечтавшего заработать побольше денег, вернуться в родное село и «забрать» себе Аленку. Правда, образ любимой девушки стал для него уже каким-то далеким, почти прозрачным и нереальным, как тогда, в ночи, когда он увидел ее, идущую к Шведским могилам. Думал о ней? Думал. Но встретив, не знал бы, что и сказать.

Настоящий перелом в судьбе Поддубного случился позже, и произошло это так...

В один из дней он отправился после работы прогуляться вдоль моря. Слушая удары волн, крики чаек, так приятно думалось о родных местах... Хорошо в Феодосии, но дома лучше. Вспоминалось, как земля вываливается из-под лемеха черными жирными пластами, как подскакивает борона за конем, разрыхляя их, как летят с широкого размаха зерна, чтобы подняться потом ровной зеленой щеткой молодых еще ростков, как наливается изо дня в день пшеница, как желтеют колосья.

На променаде былолюдно. Ивана не искушали ни питейные, из которых неслись громкие голоса подвыпившей публики, ни призывные взгляды продажных девиц. Одна из них даже сама сделала к нему шаг и проворковала:

– Господин хороший, позабавиться не желаете?

– А у меня и так жизнь веселая, – как-то сразу же, не задумываясь, ответил Иван.

– Всегда может быть еще веселее, – не унималась проститутка.

Она была еще совсем молодой и, как понимал Поддубный, не до конца испорченной.

– Ну, так как? – прозвучал вопрос.

– Такие штучки со мной не проходят.

На променаде, где прогуливалась публика, ощущалось какое-то новое движение. Рядом с Поддубным и девицей с криками пробежали мальчишки. Впереди виднелась толпа, слышалась духовая музыка. Она приближалась.

– Вы не знаете, что там такое? – отошла от прежней темы девица и вытянула шею, чтобы лучше рассмотреть.

Тем временем уже стали слышны торжественные выкрики, словно предвещавшие важное событие. Блеснули медью трубы, серебряно отозвались музыкальные тарелки, глухо застучал барабан.

– Вы не могли бы мне помочь забраться на парапет? – попросила девица.

– Вот это можно, – согласился с таким предложением Иван, легко подхватил почти невесомую для его сил проститутку под локти и поставил на парапет, после чего залез на него сам.

Теперь, с возвышения, стало лучше видно и слышно. Впереди процессии, сопровождаемой народом, шествовал по променаду духовой оркестр. Дирижер двигался спиной вперед, взмахивая над головой жезлом с блестящим набалдашником. Звучал разухабистый марш, который не мог перекрыть зычный голос господина в сюртуке и примятом цилиндре, идущего рядом с оркестром.

– ... дамы и господа, не пропустите! Гастроли знаменитого и неповторимого цирка Бескоровайного!..

– Цирк, – вымолвила девица, голос ее уже не звучал распутно. – Вы любите цирк?

– Наверное, – проговорил Поддубный, не отрывая взгляда от величественного зрелища.

Он и в самом деле не знал, любит ли цирк, потому что ни разу в нем не был. Однажды в Красеновку заехала бродячая труппа канатоходцев. Тогда в центре села поставили опоры, растянули канат, и совсем еще мальчишка ходил по нему с длинным шестом в руках. Но это событие особого следа в душе Поддубного не оставило.

Толпа уже проходила мимо Ивана, который с высоты наблюдал за непривычным для себя зрелищем. Променад наполнился ощущением праздника. Восторженно кричали не только мальчишки, но и солидные господа, даже некоторые дамы потрясали в воздухе зонтиками, приветствуя артистов. Следом за оркестром шли разряженные арлекинами артисты на ходулях. За ними передвигались двое гимнастов, делая сальто. Причем внешне им удавалось это так легко, что казалось, по-другому они и ходить-то не умеют. Затем провезли запряженные цирковыми конями клетки с дрессированными животными. Грозный лев метался в узком пространстве, громко рычал, бросался на прутья. Дрессировщик в строгой черной тройке щелкал длинным кнутом – шамбриером. На отдельной повозке был установлен турник, и хрупкая девушка в коротком платье, усыпанном сверкающими блестками, делала на нем головокружительные перевороты. И все это происходило во время движения. За ней катил в запряженной огромной свиньей тележке клоун в цветастом балахоне и посылал хохочущей публике воздушные поцелуи сразу двумя руками.

Чувствовалось, что некоторых артистов люди уже знают, они знаменитости. Поддубный произвольно улыбался, как мальчишка, глядя на буйство красок, движения, ловкости. И тут девица очень непосредственно вцепилась в руку Ивана, затрясла ее и даже стала подпрыгивать.

– Силачи, силачи идут! – восторженно кричала она.

Шествие цирка Бескоровайного замыкали борцы-атлеты. Они шли с достоинством, то и дело поднимая руки и демонстрируя накачанные мышцы. Все они были одеты в облегающие трико, оставлявшие открытыми ноги. Двое перебрасывались на ходу гириями. Любопытные, толпившиеся на набережной, выкрикивали их имена. Кто-то даже бросил букет цветов. Атлет в маске ловко поймал его и поднял над головой.

Шествие удалялось, затихали грохот барабанов, звуки духовых инструментов. Толпа схлынула. Иван помог девице спуститься с парапета. Больше никаких предложений она ему не делала, просто поблагодарила и устремилась вслед за артистами цирка. Поддубный остался стоять. Увиденное поразило его до глубины души. Это был какой-то иной мир, в котором отменялись будничные условности реальности. Тут, казалось, не действуют даже законы природы. Грозный лев подчиняется человеку, можно ходить на руках, выдыхать огнем, заглатывать шпаги. Можно сгибать свое тело, будто бы у него нет суставов и костей. Но больше всего запомнились ему атлеты и то, как их приветствовала публика. Ощущалось, что их любят, им поклоняются. Достаточно было взглянуть на мальчишек, на то, как сияли их глаза, и каждому наверняка хотелось стать в будущем таким же сильным, как они.

Что-то «сломалось» в Иване, теперь нарядный променад казался ему слишком блеклым, словно солнце светило уже не так ярко и краски южного моря померкли. Они не шли ни в какое сравнение с великолепием цирковых костюмов. Цирк Бескоровайного ураганом

пронесся по набережной, заставив людей на время забыть о ежедневных заботах и о хлебе насущном.

Поддубный остановился у тумбы. Пожилой расклейщик расправлял на ней свеженькую афишу поверх отслужившей свое – театральной.

– Когда первое представление? – спросил Иван.

– Завтра.

Поддубный неторопливо читал афишу. Много в ней было всякого, но взгляд зацепился за последние слова. Зрителям сообщалось, что их вниманию будут представлены соревнования знаменитых борцов и что каждый желающий сможет выйти на цирковой манеж, чтобы помериться с ними силой. Ивану хотелось спросить, так ли это, но расклейщик афиш уже исчез, оставив после себя лишь капли клейстера на мостовой променада. На солнце и ветру афиша быстро сохла, растягивалась, расправлялась буквально на глазах.

Вечером Иван за столом рассказал о приезде цирка своим соседям.

– Мы уже знаем, видели, – за себя и за приятеля ответил Николай. – Завтра идем на представление. Хочешь, пойдем вместе?

И тут впервые Поддубный не стал сомневаться в том, стоит ли тратить на сомнительное удовольствие отложенные для завоевания Аленки деньги.

– Конечно, пойду, – затем, несколько смущаясь, он рассказал о прочитанном в афише. – Там сказано, будто любой, если захочет, сможет помериться с борцами силой. Это так, вы же не первый раз в цирке?

– Не первый, но ни разу не видел, чтобы находились желающие, – усмехнулся Петр. – А ты что, Иван, решил попытать счастья? Посмотришь выступления, самому расхочется.

* * *

Назавтра вечером жильцы квартиры встретились уже возле цирка. Временное деревянное здание с полотняным куполом было густо украшено разноцветными флажками, возле него ходили зазывалы, хотя в их услугах особой нужды не было. Все билеты на первое представление и так были раскуплены.

– А я успел! – Николай продемонстрировал синие билеты. – На всех троих взял.

Времени до начала представления еще хватало. Поэтому Иван с Николаем и Петром еще успели попить пива в буфете, а затем устроились в амфитеатре. Нагретый за день солнцем купол теперь отдавал свое тепло. Внутри было душно, Поддубный то и дело вытирал лоб носовым платком. На манеже пока еще ничего интересного не происходило. Там орудовали униформисты, густо посыпая его свежим песком, принесенным прямо с городского пляжа, сыпали опилки, ровняли все это метлами. Иван осматривался. Ему пока еще не было понятно предназначение всех этих веревок, канатов, уходящих к куполу, раскачивающихся перекладин. В воздухе ощущался легкий запах конского навоза.

Оркестр устраивался на балконе. Музыканты настраивали, пробовали инструменты, переговаривались. Из-за тяжелой плюшевой портьеры то и дело выглядывали циркачи. Все места на скамейках уже были заняты. Кто-то первым нетерпеливо захлопал, поторапливая артистов начинать представление, его поддержали и остальные зрители, даже послышался свист.

На манеж вышел коверный, поднял руки.

– Уважаемая публика, имейте терпение!..

Хлопанье и свист постепенно стихли.

– Мы начинаем наше представление! Але!

Оркестр на балконе грянул марш. И вновь, как вчера на променаде, завертелось, закружилась, заблестело.

– Атлеты где? – не понимал Иван, глядя на выходивших на манеж артистов.

– Они во втором отделении появятся, – подсказал Николай. – Самое интересное приберегают на «закуску».

Все первое отделение Поддубный заворуженно следил за тем, как крутятся акробаты под куполом цирка, как перепархивают с перекладины на перекладину, как перебрасываются пылающими факелами жонглеры. Затем фокусник доставал из лощенного цилиндра черт знает каким образом оказавшихся там голубей, кролика и разноцветные ленты. А затем он подошел к барьеру и поинтересовался, нет ли в зале желающих поучаствовать в следующем фокусе. Тут же отыскался бойкий господин в тройке. Он сбежал на манеж под одобрительный гул зрителей.

– Вы, я вижу, человек серьезный. Кем служите?

– Конторщиком в порту, – отозвался господин.

Иван такого конторщика не знал. Но мало ли, порт большой.

– Значит, вы очень внимательный, – фокусник провел ладонью по его груди и тут же вытащил край носового платка из кармана, за первым платком показался привязанный к нему второй – ярко-красный, затем третий – желтый...

Платки мелькали и казалось, никогда не кончатся.

– И зачем же вам столько много платков? – спросил фокусник.

– Они плачут часто, – подсказал вынырнувший из-за занавеса арлекин.

– А вот тут ты, дорогой мой, ошибаешься. Он такой же счастливый и состоятельный человек, как ты сам, – фокусник поманил его к себе, провел рукой возле уха, и тут же в пальцах у факира захрустела новенькая ассигнация. – Неплохо живешь. Может, и за вторым ухом у тебя деньги? – и еще одна ассигнация отозвалась хрустом.

Выхватив деньги у фокусника, арлекин, хохоча, унесся с манежа.

– А можно и со мной такую же штуку проверить? – поинтересовался вызванный из зала господин.

– Почему бы и нет? – фокусник расплылся в улыбке, провел пальцами возле уха, посмотрел на свою пустую ладонь. – Не получается. Наверное, к вам, уважаемый, деньги в самом деле не хотят идти. И наш любезный арлекин был прав?

– Может, за другим ухом есть? – с надеждой спросил господин.

– И за другим нет, – вынужден был разочаровать его факир. – Что ж, не будем утомлять публику. Она уже заждалась дрессированных собачек. Да, кстати, который уже час?

Господин потянулся к жилетному карману, но часов не обнаружил, лишь цепочку от них.

– Украли! – завопил он.

– Должен вас обрадовать. В другой раз будьте повнимательнее, – фокусник разжал ладонь и отдал господину его часы.

– С таким на базаре лучше не встречаться! – выкрикнул кто-то из зала.

– Абсолютно с вами согласен, что на базаре – не стоит. А вот в цирке – сколько угодно. У нас все честно, без обмана, – под аплодисменты фокусник покинул манеж.

Затем были дрессированные животные, антракт, который не обошелся без буфета. И вот наконец настала очередь борцов. Они выходили торжественно, под энергичный марш оркестра и становились полукругом. Публика приветствовала их, и они приветствовали публику. Коверный звучно называл каждого, перечислял его титулы. Можно было подумать, что здесь в цирке собрался цвет борцов со всего мира.

– Они в самом деле сплошь чемпионы? – растерянно разглядывал атлетов Поддубный.

– Не совсем. Сколько цирков, столько, считай, и чемпионатов с чемпионами, – вынужден был разочаровать соседа Николай.

Затем прозвучало предложение, красовавшееся на афише. Мол, каждый желающий может помериться с ними силой. Поддубный, утром думавший, что выйдет на манеж прямо сегодня, решил все же сперва присмотреться к борцам. Он чувствовал, что не готов оказаться под пристальным вниманием сотен пар глаз, даже коленки подрагивали, чего с ним раньше никогда не случалось.

Затаив дыхание, Поддубный следил за тем, как сперва атлеты демонстрировали силовые упражнения, поднимая, перебрасывая через себя гири, катая тяжеленные ядра. Потом уже началась собственно борьба. Публика завелась, теперь уже никто не сдерживал своих эмоций. Под куполом разносились крики, но иногда они ненадолго смолкали, превращаясь в тревожное молчание, нарушаемое лишь тяжелым дыханием борцов, пытающихся повалить друг друга. А затем восторженные крики поглощали все звуки – это когда слышался шлепок борца на спину и противник прижимал его лопатки к коврику. Вот тогда зал бесновался, а судья поднимал руку победителю. Интрига сохранялась и на завтрашнее представление, ведь теперь борцы должны были сойтись на ковре другими парами, чтобы выявить сильнейшего из них. Все было вроде бы и так, как в Красеновке, когда селяне-казаки боролись на кушаках. Но это было настоящее представление, праздник, демонстрация силы, мощи мышц.

Поддубный возвращался домой молча, такое сильное впечатление произвело на него выступление борцов. Он лишь слушал, стараясь запомнить фамилии атлетов, беседу Николая с Петром. Те строили прогнозы, пытались определить, кто же победит в самом конце.

Рабочий день в порту прошел как в тумане, словно его и не было. А вечером Иван, даже не заходя домой, сразу же вновь отправился к цирку. Погулял вокруг него, сжимая в кармане вожделенный билет. Те, кого он видел вчера на манеже, еще только готовились к выступлениям. За оградой можно было наблюдать, как перекусывают жонглеры, как дрессировщик отдыхает возле клетки со львом. Атлеты, уже одетые в сценические трико, сидели кружком и играли в шашки. Общались мирно, забыв на время о накале борьбы.

Возле Поддубного остановился молодой человек несколько проходимистого вида.

– Борьбой интересуетесь? – спросил он, перехватив любопытный взгляд Ивана, направленный на атлетов.

– Интересуюсь.

– А ставку сделать не хотите ли? Можно большие деньги выиграть.

До этого у Поддубного борьба как-то не связывалась в голове с деньгами. Ну не задумывался он о том, сколько получают атлеты за выступления, о том, что можно на чью-то победу делать ставки.

– Нет, – покачал он головой. – Я в азартные игры не играю.

– Это же не игра в карты, – усмехнулся проходимец. – Здесь все решают знания, интуиция. Главное – правильно угадать сильнейшего. Выбираете того, кого считаете самым сильным, и делаете ставку. Все очень просто и очевидно.

В разговор вмешался седой господин в пенсне. Он очень серьезно обратился к Поддубному:

– Не советую этого делать, молодой человек.

– А не подскажите – почему?

– Вы верите в то, что они борются по-настоящему?

– А как же иначе?

– Это же цирк! Представление! Они вместе с вот такими проходимцами работают, – кивнул он на букмекера. – Собирают деньги на сильнейшего, а потом тот специально поддается.

– Зачем ему поддаваться? – удивился Иван.

– Ему долю платят за поражение. Полный обман.

– Не верю.

– Как хотите, мое дело – вас предупредить, – господин в пенсне двинулся ко входу в цирк.

Так и не сделав ставки, Иван оказался под полотняным куполом. Во время представления его удивило то, что господин, выбегающий на манеж по призыву фокусника, был тем самым, что и вчера. И так же сильно этот господин удивлялся, когда у него пропали часы, и так же радовался, когда факир их вернул. Даже реплика из зала оказалась прежней насчет того, что не хотелось бы встретиться с таким фокусником на городском базаре. Стало ясно, что господин с часами «подсадной». Раз обманывают в одном, могут обмануть и в другом. Так, может, и борцы поддаются специально за деньги? Теперь Иван следил за ними внимательней, но подвоха не заметил. Напряженные мышцы, борьба, когда долгая и изнурительная, во время которой никто из противников не мог уложить другого на лопатки, и победа присуждалась по очкам, когда короткая, заканчивающаяся чистым и очевидным поражением. Но все же подвох он нашел. Судейская коллегия, сидевшая на манеже за столом, вроде бы бурно общалась, но, присмотревшись, Иван обнаружил, что они не столько говорят, сколько важно кивают, пожимают плечами, картинно взмахивают руками. Короче, работают на публику, а не совещаются.

И на этот раз Иван не решился выйти на манеж, чтобы помериться силами с настоящим борцом. Вместо этого он дождался окончания представления и, когда зрители уже расходились, уловив момент, подошел к коверному. Грузный, солидного вида мужчина в длинном сюртуке сидел на барьере, несколько помятый цилиндр лежал рядом с ним. Униформисты приводили манеж в порядок.

– Вы тут говорили, что каждый желающий... да и на афишах написано... – Иван терялся, не мог толком сформулировать мысль.

Коверный, стоило ему окинуть взглядом мощную фигуру Поддубного, тут же сообразил, про что тот хочет спросить.

– А вы, как я понимаю, и есть один из желающих? – поинтересовался он.

– Именно так.

– Вообще-то, можно. Но что вы умеете? Не могу же я просто так выпустить вас на манеж. Публике должен быть интересен ваш выход.

– Я умею гири подбрасывать. Бороться на кушаках.

– Это хорошо. Тогда давайте пройдем, и вы мне все сами покажете.

Коверный повел Поддубного за тяжелую малиновую портьеру, отделявшую вспомогательные помещения от манежа. До этого Ивану казалось, что там очень много места, иначе как там могло уместиться столько артистов? Но реальность оказалась иной. За портьерой оказалось чрезвычайно тесно. Узкие проходы между клетками с животными, нагромождение сундуков с реквизитом. Туда-сюда сновали полураздетые артисты, как мужчины, так и женщины, абсолютно не стесняясь своего вида. Вблизи было видно, что их наряды не такие уж и блистательные, а поношенные, местами даже залатанные, пропахшие потом и полинявшие от частых стирок. Лица уставшие, да и сценический грим вблизи казался картонными масками.

Особенно впечатлил Ивана клоун с побеленным лицом, на котором застыла нарисованная улыбка. Из зала только она и была видна, теперь же на ней четко читались настоящие губы, сложенные в трагическом изгибе.

– Ну-с, дорогой вы мой, – коверный подвел Ивана к полкам, на которых виднелись чугунные гири и ядра.

На полу лежала штанга с огромными шарами по концам. Поддубный потянулся к ней, желая начать с самого сложного, хотя и сомневался, что сможет поднять такую тяжесть.

– Не утруждайтесь, эта штанга для паяцев.

– Как это? – не понял Иван.

– Бутафория. Из папье-маше склеена и покрашена соответствующим образом, – коверный сперва пощелкал по «чугунному» шару ногтем, тот отозвался пустым картонным звуком, а затем одной рукой легко поднял штангу. – В цирке многое оказывается совсем другим, чем то, что видится вам из зала. А вот эти гири самые что ни на есть настоящие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.